

© 2009 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2008 г.

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде в археологическом сезоне 2008 г.

В 2007 году в Новгороде новых берестяных грамот не было, но в 2008 году новгородские раскопки принесли 12 новых грамот.

Археологические исследования в 2008 г. велись в Новгороде на 10 объектах, берестяные грамоты были найдены на трех из них: шурф на Михайловой улице — 1 (№ 962), Кремлевский раскоп — 7, Борисоглебский раскоп — 4. На Кремлевском раскопе (руководитель М. А. Родионова), расположенном к западу от Грановитой палаты, исследовались слои XIII–XV вв., в которых были обнаружены грамоты №№ 963–965, 968, 969, 971, 972. Борисоглебский раскоп (руководитель А. М. Степанов) расположен на Торговой стороне вблизи церкви Бориса и Глеба в Плотниках, здесь были вскрыты слои XIII–XV вв. и найдены грамоты №№ 966, 967, 970, 973.

Приводим новонайденные грамоты, за исключением совсем мелких обрывков.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 962. Найдена не при раскопках, а в ходе археологического наблюдения за инженерными работами по реконструкции водопровода на северо-восточном углу современных улиц Никольской и Михайловой.

Это два фрагмента, образующие целый документ — большое письмо из восьми строк.

Хотя стратиграфической даты грамота не имеет, есть возможность уточнить ее датировку. Дело в том, что непосредственно под грамотой обнаружен клад серебряных монет новгородской чеканки («новгородок»), датируемых концом второй четверти XV в. (до 1447 г.).

Как заметил находчик грамоты С. В. Трояновский, упоминаемый в грамоте Софонтий может быть тем же лицом, которое фигурирует в берестяной грамоте № 466 первой половины XV в., найденной в непосредственной близости от перекрестка Никольской и Михайловой улиц.

{п}чоломъ быеть Олексеі {і} О заболотѣ . софонтею . тимоф[ѣ]ю . чю кесте приказали
 мнѣ . свою землю . нонѣ . ѡсподо подалъ кси пожни вашимъ здоровыѣмъ . положи . гра^{попъ молвить}
 моту по чому еси давалъ ^{олесеі} приказали ми старѣшии . и азъ давалъ . а нонѣ попъ повѣс^ѣ
 тутъ такъ д[а]валъ кси пожн[и в наим]ѣи і хто иметь тѣи пожни косить . и азъ
 тѣхъ поймаю да траву на воротъ взважю да ихъ веду в городъ нонѣ
 ѡсподо какъ О мнѣ са печалутеса : а азъ вамъ свои ѡсподе чоло^{мъ}
 мъ быю . только ѡспо имете мене жаловать . Оѡтошлите ѡсподо {п} ко мнѣ
 грамотьку . до петрова дѣи . занежь . ѡсподо сено косать ѡ петрове
 дни

Лишняя буква *n* в начале — вероятно, автор сперва хотел написать *поклонъ*; лишнее *n* также в {*n*} *ко мнѣ* (строка 7). В строке 3 в *и азъ давалъ* буква *а* была пропущена и втиснута потом. В строке 7 в *Оѡтошлите* буква *т* (перед *е*) переправлена из *о*. В предпоследней строке в слове *петрова е* в *не-* переправлено из *о*. В последней строке автор начал писать *днѣ*, но потом переделал последнюю букву в *и*.

Интересен способ передачи начального *о-*: для этого служат, как и во многих других грамотах, буквы *О* (широкое *о*) и *Ѡ* (очное *о*); но наряду с этим может использоваться и другой способ: пишется обычное узкое *о*, но со знаком тремы — двумя надстрочными точками (иногда тремой снабжается и широкое *о*).

Ять в части случаев записан как *е* (в том числе под ударением перед твердой согласной в слове *сено*). Специфических новгородских черт в грамоте нет; но стяжение гласных в презенсе (о котором см. ниже) — северновеликорусское.

Рассмотрим наиболее интересные точки текста.

Заболотьє (или мн. число *заболотьа*) — это либо просто место за болотами (ср. *заболотьє* и *заболотьє* в [СРНГ, 9: 265]), либо название конкретной деревни.

Но написание {*i*} *О заболотьа* остается неоднозначным. Возможные версии: 1) *О заболотьа* (В. мн.) 'об участках за болотом' или 'о деревне Заболотьа'; 2) *О* вместо *Ѡ* (+ Р. ед.) — 'от деревни Заболотьє'. Что касается буквы *i* перед *О*, то это скорее всего ошибочное повторение предыдущего *i*.

Приказали свою землю — поручили управление ею. Олексей явно служит (в качестве управляющего) у двух феодалов — Софонтия и Тимофея.

Для фразы *нонѣ, осподо, подовалъ кси пожни вашимъ здоровьємъ* необходимо принять предположение А. А. Гиппиуса о том, что *кси* — это ошибка вместо *ксмъ*.

Подовалъ вместо *подавалъ* в принципе может быть результатом аканья (как уже отмечено, в грамоте нет новгородских признаков); но все же более вероятно, что это просто ошибочный повтор идущего раньше такого же *подо*: *осподо подовалъ*. Кроме того, форма *довать* могла возникать в окающих говорах под влиянием приставки *до-*; сходным образом в окающих северных говорах и рукописях появляются *начлежь*, *начевать* — под влиянием приставки *на-*.

В отличие от современного языка, словоформа *под(а)валъ* относится здесь к совершенному виду — подобно современным *пораждал*, *поотдавал*; ср., например, что *кси, Осподине конѣ подавалъ ...* в грамоте № 446.

Вашимъ здоровьємъ — известная формула; ср., например, *земля ... сама ся окупить твоимъ здоровьємъ* в грамоте № 104. *Здоровье* — 'благополучие, сила, авторитет', то есть данная формула здесь практически означает 'с полномочиями от вас'.

Таким образом, управляющий говорит, что те земли, которые ему поручили, он раздал от имени своих господ.

Дальше в основном тексте (то есть без учета надстрочных приписок) идут два предложения, в которых неясно, кто «ты», а кто «я»: *положи грамоту по чому кси давалъ* 'предъяви грамоту, на основании которой ты давал'; *приказали ми старѣшии и азъ давалъ* 'приказали мне старшие (старосты), и я давал'. Непонятно, кто это говорит и как связать эти фразы с остальным текстом.

Надстрочные приписки разрешают эту проблему: над *положи* надписано *попъ молвить*, и тем самым понятно, что это поп требует от Олексея подтверждения его полномочий; над *приказали* надписано *олесеі*, то есть это Олексей ссылается на приказ старост.

В этом месте получил блестящее подтверждение осуществленный А. А. Гиппиусом анализ коммуникативной структуры берестяных грамот [Гиппиус 2004], в частности тот его тезис, что в этих грамотах без всякого предупреждения после речи автора может пойти речь другого лица. Ясно, что вначале автор грамоты (или писец, если автор писал не сам) поступил в точном соответствии с тезисом Гиппиуса — привел чужие слова без

всякого предупреждения о том, кто это говорит. И лишь позднее решил все же это для большей ясности уточнить.

Дальнейший текст Олексей (или писец) написал уже с указанием того, кто что говорит, прямо в тексте:

Повѣстуть 'говорит, повествует' — вряд ли просто пропуск буквы *к* в *повѣстукъ*; скорее это севернорусское стяжение с долгим гласным типа [рабѣта:т] 'работает', [тр'ѣбу:т] 'требуют'. Эта особенность представлена также ниже в слове *печалутеса* (вместо *печалуктеса*).

Воротъ в древнерусском и в современных говорах означает 'шея' (современное значение 'воротник' у этого слова вторичное); ср. перс. *gardan* 'шея' (из *vartana*).

Взвзяти — очень колоритный глагол, в котором приставка *вз-* передает движение снизу вверх (в данном случае от земли, где находится трава, к шее человека).

Да траву на воротъ взважю — явно как знак того, что они крали сено. Очевидно, украденное привязывали на шею пойманного вора. Яркое свидетельство о таком обычае, сохранившееся в литературном языке, — пословица *Брань на вороту не виснет*.

М. Н. Толстая нашла подтверждение этого в этнографической литературе — в работе М. Седовой «Быт томичей на крестьянском дворе» мы читаем: «Сурово наказывало общество и за воровство; вору вешали украденное на шею и водили по селу, чтобы всякий мог его ударить и плюнуть» [Седова 2003]. По свидетельству белградского профессора Л. Раденковича, в восточной Сербии обычай вешать на шею украденное сохранялся еще в XX в. (сообщено С. М. и М. Н. Толстыми). Широко распространено поверье, что вор после смерти будет носить все украденное на шее.

Какъ Ѡ мнѣ са печалутеса — судя по позиции первого *са*, слово *какъ* подверглось вторичной проклitze (см. [Зализняк 2008, § 0.2]), т. е. *какъ Ѡ мнѣ* — единая тактовая группа.

Са печалутеса — «двойное *са*», явление, характерное для позднерусского периода (см. [Зализняк 2008, § 4.13]). *О -луте* из *-лукте* см. выше.

Свои (в *свои Ѡсподе*) — ошибка (встречающаяся в грамотах и рукописях неоднократно) вместо *своеи*.

Словоформа *оспо* производит впечатление недописанной, особенно на фоне нескольких примеров полного написания *осподо*. Однако более вероятно другое объяснение, а именно, связь формы *оспо* с формой *оспе* 'господин!', регулярно употребляемой у Фенне в качестве обращения [Фенне, 196.5, 196.7, 197.1, 204.5].

Следует учитывать, что звательная форма *осподо* была энклитомом, т. е. в позднерусском имела ударение *осподо*. Это позволяет предложить следующую гипотезу о дальнейшей эволюции обращений 'господа!', 'господин!'. Как и многие другие частотные обращения, форма *осподо* могла усекаться; ср. усечения и «сжатия» в случаях типа *-с* из *сударь*, [msjə] из *mon seigneur* и т. п. Утрата безударного конечного *-до* давала *оспо*. Внешнее совпадение конечного *о* этой формы с окончанием вокатива должно было породить отношение «полное *осподо* — краткое *оспо*», откуда обобщение «полное *оспод* — краткое *осп*». Тогда и при полных обращениях *осподи* и *осподине* можно ожидать аналогического *оспе*. Если эта гипотеза верна, то *оспо* в грамоте № 962 лежит у истоков того развития, которое через сто с лишним лет привело к *оспе* у Фенне.

Обѣтошлите — двойное выражение как *о*, так и *т*.

Из грамоты видно, что конфликт Олексей с попом — это спор о том, кто имеет право распоряжаться землей; власть попа явно выходит за рамки церковных дел. В конце письма Олексей просит господ, если они его «пожалуют», то есть решат спорный вопрос в его пользу, прислать об этом «грамотку» до Петрова дня — даты, когда по общерусской традиции начинали сенокос.

Последняя фраза (*занежь, ѡсподо, сено косать ѡ Петрове дни*) на первый взгляд звучит несколько странно — как если бы кто-то в тогдашней Руси мог не знать, когда

начинается сенокос. Наиболее правдоподобное решение (предложенное М. А. Даниэлем) здесь таково: автор хотел сказать «пришлите грамотку (подтверждающую мои права) до Петрова дня, потому что в Петров день поп осуществит свою угрозу», и это совершенно нормальная структура дискурса; но вместо «поп осуществит свою угрозу» он сказал просто «будут косить», справедливо считая, что эта эквивалентность адресатам ясна.

Итоговый перевод:

‘Челом бьет Олексей об участках за болотом (или: от Заболотья) Софонтию и Тимофею. Что [касается того, что] вы поручили мне свою землю, то я теперь пораздавал пожни от вашего имени. Поп говорит: «Предъяви грамоту, на основании которой ты давал». Олексей [говорит]: «Приказали мне старшие (старосты), и я давал». А теперь поп говорит так: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город (то есть в Новгород)». Как, господа, теперь обо мне позаботитесь? А я вам, своим господам, челом бью. Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня, потому что, господа, сено косят на Петров день’.

№ 963. Кремлевский раскоп. Три фрагмента, образующие почти целый документ (недостает лишь начала последней строки).

Грамота датируется исключительно точно, поскольку она адресована архиепископу Симеону, который пребывал в этом сане с 1416 по 1421 г.

Осподину архи.єпискупу новъгоцкому влѣкѣ семену сѣ
ѣ . бѣи оуездъ . сиротѣ твои ошевѣски погостѣ ржевици . тебѣ
ломѣ . бѣютъ вси ѿ мала и до велика . оспода.рю . послали . єсме осп
одине дѣака . олексадра за[нежѣ] (о)[тѣцѣ] - - и дѣдѣ єго пѣлѣ . оу
сѣѣ . бѣи . в ошевѣ . и цѣо бѣи єси осподине . к сѣѣ бѣи . того дѣака
поставилъ
попомѣ . а с нимѣ . єсме послали труфана ѿ погоста . занежѣ
цѣркѣвѣ . стоитъ бес пѣтъа . а другое осподине сѣѣ влѣко
престолѣ . в[о цѣр](кѣѣ) [ѿ] - - - - (-) какѣ осподине . о томѣ оукаже
(шѣ) - - - - - [ѣи *] п[рестолѣ гсѣине]

Два раза писавший пропустил слог: *новъгоцкому* вместо *новъгороцкому* и *ломѣ* вместо *челомѣ* (в последнем случае при переходе со строки на строку).

Перевод:

‘Господину архиепископу новгородскому владыке Семену крестьяне твои, Святой Богородицы уезд, Ошевский погост, ржевичи, тебе, господарю, челом бьют все от мала и до велика. Мы послали, господин, дьяка Олексадра, потому что отец [его (?)] и дед его пел у Святой Богородицы в Ошеве. И ты бы, господин, к Святой Богородице того дьяка поставил попом. А с ним мы послали от погоста Труфана, потому что церковь стоит без пения (= без службы). А другое [дело], господин святой владыка: престол в церкви от... Как, господин, о том укажешь? Освяти же престол, господин’.

Престолѣ во цѣр(кѣѣ) ѿ... — что случилось с престолом, из-за обрыва неясно, но нет сомнений, что он как-то был поврежден. Возможно, ржевичи его уже починили и просят владыку освятить новый.

Ошевский погост (ныне Ашево Псковской области) расположен в Пусторжевской волости Новгородской земли (отсюда наименование его жителей «ржевичами»), которая вместе с Великими Луками платила значительную дань Литве в обмен на защиту Литвой северо-западных рубежей Новгородского государства. Несмотря на предпринятую Витовтом реформу, объединившую в 1415 г. подвластных Литве православных епископов Полоцка, Чернигова, Луцка, Владимира Волынского, Холма, Турова и узурпировавших

право избрания киевского митрополита (избран ими был Григорий Цамблак) [НПЛ: 406], ржевичи сохраняли верность Новгороду и хиротонисанному в Москве архиепископу Симеону, как это явствует из грамоты № 963. Переход в прямое подданство Литве осуществился, однако, в 1435 г., когда новгородский архиепископ Евфимий II был рукоположен в Смоленске, что вызвало поход новгородцев на ржевичей: «Ржеву воеваше своих данников, а они не почаша дани давати новгородцем» [Пск. лет. 2: 132].

Грамота в основном составлена на наддиалектном древнерусском языке (так, в И. ед. используется окончание -ъ, слово 'все' имеет вид *вси*). Но небольшое число элементов древненовгородского диалекта в ней все же имеется: И. мн. *сиротѣ* (а не *сироты*), 1 мн. *ѣсме*, цоканье в *ржевици*; отметим еще Д. ед. *вѣдкѣ*, с *к*, а не *ц*. Характерны для новгородских грамот также имена *Олекъсандръ* (ср. к *Олоскадру* в грамоте № 528) и *Труфанъ* (ср. *Труфане* в грамотах № 136 и 471). Слово *сиротѣ* 'крестьяне' характерно для берестяных грамот XIV века и один раз встретилось в грамоте конца XIV – 1-й четверти XV в. (№ 933). В XV в. этот термин вытесняется словом *крестьяне*.

Показательно слово *осподарь*: в XV веке слог -*спо-* здесь еще устойчиво сохраняется, инновационный вариант *государь* (*осударь*) появляется лишь в XVI в. Даже в 1607 г. у Фенне мы еще находим только формы с -*spo-*: *aspodar* (регулярно) и один раз *gospodar*.

Точность датировки этой грамоты дала редкую возможность испытать эффективность наших таблиц внестратиграфического датирования. Для грамоты № 963 таблицы дали следующий ответ: предпочтительно 1380–1420. Это значит, что таблицы выдержали испытание вполне удовлетворительно. И можно предполагать, что писавший был пожилым человеком, раз объективные характеристики его письма тяготеют ко времени несколько более раннему, чем момент написания грамоты.

№ 964. Кремлевский раскоп. Начало письма (3 строки).

Предварительная стратиграфическая оценка: конец XIV века.

Огнѹ . ѣлизарѹ . много челомъ бѹю
послалъ . ѣмъ . Огне . к тобѣ . с ларишнѣ
(цѣмъ) [:р̃]. клѣщевъ . пошли . ѡсподине

В начале грамоты стоит весьма редкая формула: от первого лица «челом бью», но без указания автора; предполагается, что адресат сам поймет, от кого письмо.

Записи *Огнѹ*, *Огне* — сокращения для *осподину*, *осподине*, с идеограммой *гн* и начальным фонетическим дополнителем *О*, т. е. первой фонемой зашифрованного полного чтения; см. этом [НГБ-IX: 233–241]. В грамоте представлен тот относительно редкий вариант записи, в котором идеограмма *гн* стоит без титла. Уникальная особенность данной грамоты состоит в том, что здесь впервые в одном и том же тексте, причем просто в соседних строках, использована как сокращенная запись с идеограммой и фонетическим дополнителем, так и полная запись *ѡсподине*. Тем самым грамота оказывается идеальным свидетельством того, что записи типа *огнѣ*, *огне*, *огнѹ* читались именно как *осподинѣ*, -*е*, -*у* (а не *огосподинѣ* и т. д., как полагали прежде публикаторы и лексикографы). Если бы эта грамота была найдена двадцать лет назад, не понадобились бы те немалые умственные усилия, которые позволили прийти к тому же выводу на основании не столь прямых показаний.

Особо отметим, что в полной записи *ѡсподине* использована буква *ѡ*, которая является для данной грамоты обычной записью для [о] в начале слога (ср. *лариѡнѣ*), а в записи с идеограммой использован другой знак для [о] — буква *О*.

Написание *послалъ ѣмъ* вместо *послалъ ѣсмъ* может, конечно, быть простым пропуском *с* по описке. Но не исключена и другая возможность — что перед нами близкий аналог польских форм прошедшего времени типа *posłałem* 'я послал' (где тоже утратилось

прежнее *s*). Совершенно аналогичный пример есть в Лаврентьевской летописи в «Поучении» Мономаха [Лавр., л. 83]: *что было надобѣ весь нарядъ и в дому своемъ, то ѿ тво-ришь есмь*. Издатель решительно исправляет это *смь* на *есмь*, поясняя: «По явной описке вставляется -с-». Но после находки грамоты № 964 оснований для такой уверенности стало гораздо меньше. Следует ожидать дальнейших находок, чтобы выяснить, являются ли действительно оба эти примера описками или за ними стоит свойственное каким-то говорам диалектное развитие, сходное с польским.

Для поврежденного места на стыке 2-й и 3-й строк единственное решение, не предполагающее никаких ошибок и случайностей, — это *с Лариѡнь|цѣмъ*. Уменьшительные имена с суффиксом *-ецъ* (типа *Ларионецъ*) для Новгорода весьма характерны.

Клещевъ — это 'лещей'. Древненовгородское слово *клещь* 'лещ' известно из берестяной грамоты № 169 (кон. XIV – нач. XV в.), где сказано: *Онтане послале Овдокиму два клеща да щука*. См. об этом слове [НГБ-VIII: 119–122] и [ДНД₂: 656].

Сколько же лещей послал наш автор? Сохранившийся в тексте уголок не может быть верхушкой от *ѣ* (= '4'), поскольку окончание *клещевъ* могло быть только в случае, если бы они были грамматически одушевленными, а в XIV веке до этого было еще далеко. Вначале было высказано предположение, что это *л̃* (= '30'); однако в грамоте *л* (как, впрочем, и *д*) пишется с плоским верхом. По мере изучения текста количество лещей увеличивалось (подрастало). Возникло предположение, что верхний уголок принадлежит букве *ѣ* (= '70'). Но в конце концов было установлено, что это верх от *ѣ̃* (= '100'). Так что Елизару было отправлено целых сто лещей.

Итоговый перевод:

'Господину Елизару челом бью. Я послал к тебе, господин, с Ларионцем 100 лещей. Пошли, господин, ...'

№ 965. Кремлевский раскоп. Конечная строка документа.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая половина XIV века.

си полѣжилъ . на ѣзи

Буквы *си* — явно конец от *еси*; *(е)си полѣжилъ* — 'ты положил'.

ѣзь — рыболовный закол поперек реки, яз.

Какое из многих значений глагола *положити* здесь имелось в виду, из-за отсутствия контекста неясно. Возможно, речь шла о некоей сумме денег или количестве рыбы, которое адресат «положил» на данном заколе, то есть установил как плату за право пользования этим заколом.

№ 966. Борисоглебский раскоп. Семь строк — конечная часть документа, утратившего правый край.

Палеографически XIII век.

...[N]адо никоѡу ж[ъ] ...

(-) есмѣ :д: на милосѡави :ѣ: гривини ѿ ма[р]иака во стро[к]... (по)ѣ

ложило есмѣ :а:диноу гривѡѡу . ѿ наѡ-ка нии пол(ѡжи)ѣ

ло есмѣ :ѣ: гривѡѡ

ѿ

ѿ

а :а: :и: аа

а аааа

авгдѣзѣ

ко ель...

елико вер...

К сожалению, ни одна строка документа не сохранилась целиком.

Редкая особенность: после окончания собственно текста грамоты автор еще использовал свободное нижнее поле для пробы пера, записи разных цифр (в том числе ряда цифр от 1 до 8) и маленькой приписки (к сожалению, из-за обрыва нечитаемой).

Основной документ представлял собой некий реестр сумм, «положенных» на таком-то или от такого-то. Так, автор «положил» на Милославе 3 гривны, от Марьяка 1 гривну, от Наш-ка 6 гривен. К сожалению, точный смысл финансовой операции, называемой *положити*, как и в предыдущей грамоте, остается не вполне ясным.

Интересно написание *·а·диноу* 'одну'. Предположение о том, что *а* вместо *о* написано здесь в силу аканья, неправдоподобно, поскольку в Новгороде не акали, а счесть эту грамоту за иногороднюю нет оснований (в частности, в ней представлено характерное новгородское *и* вместо *ятя*). Решение состоит в том, что здесь *·а·* — это цифра '1', а *диноу* — это фонетический дополнительный (ср. выше, разбор грамоты № 964), только более длинный, чем обычно. Такие длинные дополнители изредка встречаются. Например, в Ферапонтовской кормчей 1540-х гг. (на л. 820 об. и далее) писец несколько раз записывает словоформу *вторóму* так: *ѡрóму*. Ср. также запись *огѣдиноу* = *осподину* в берестяной грамоте № 339 (2-я пол. XIV в.): здесь в начале стоит фонетический дополнительный *о-* (о котором см. выше), далее идеограмма *гѣ*, а за ней большой конечный фонетический дополнительный *-диноу* (ровно такой же, кстати, как в *·а·диноу*).

Отметим характерные написания *гривоноу* (ср. *грѣвону* в № 366), *гривоно* (ср. *гривоно* в № 349), *гривини* (ср. *гривѣни* в № 919); в последнем случае *-ви-* вместо *-въ-* — результат уподобления предшествующему и последующему слогу.

Отрезок ...[н]адо никомоу ж[ь] весьма похож на часть известной формулы *а боле не надобѣ никомоу же* 'а более ни у кого притязаний не должно быть'. Однако для превращения *надобѣ* в *надо* это, по-видимому, еще слишком раннее время, поэтому такая трактовка данного отрезка остается лишь гипотетической.

Писавший эту грамоту был менее аккуратен, чем большинство писцов, и допустил ряд описок; из-за этого в нескольких точках чтение остается ненадежным.

Милосвави вместо *Милослави* — предвосхищение *в* следующего слога.

Неизвестное доныне имя *Мариакъ* (*Марьякъ*) — очевидно, производное от того же корня, что известное из берестяных грамот имя *Марена* (представленного, в частности, в словах *марá* 'призрак, наваждение', *мáрит* 'душно', *мáрево*).

Во Стро[к]... — начало названия какого-то населенного пункта.

Имя *Наш-къ* надежно восстановить не удастся. Если допустить здесь *ш* вместо *щ*, то можно предположить имя *Нащекъ* (ср. вариант *Нащека* [Тупиков: 323] и фамилию *Нащекинъ*).

Странное *ниш* — возможно, описка вместо *ни* 'ныне' (ср. *ни* в № 788).

№ 967. Борисоглебский раскоп. Недописанное письмо из одной строки, сохранившееся в целости.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

Ѡ тиоуна ѡ те

Написание *ѡ те* — очевидно, вместо *Ѡ те*. Писавшему что-то не понравилось в этой точке, и он просто бросил начатое письмо — вероятно, взял другую бересту.

Тиун — в XI–XIII вв. княжеский или боярский слуга, участвовавший в управлении. В XIV–XVII вв. чиновник, занимающийся первичным разбором судебных дел и т. п., род управляющего или даже наместника. В материалах раскопок этот термин ранее встретился только в надписи на царе XII в. [ДНД₂: 342] и, возможно, также в берестяном фрагменте № 452.

На *Те* могло начинаться как христианское имя *Терентии*, так и дохристианские имена типа *Тѣшата*, *Тѣшила*, *Тертила*.

№ 968. Кремлевский раскоп. Левая часть одной из средних строк письма.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая половина (возможно, начало) XIV века.

Отрезок -доу едва ли может быть концом от *правдоу*: слово *правда* в ту эпоху означало прежде всего правосудие, а не правду в современном смысле. Из разных вариантов реконструкции наиболее вероятным представляется (*оби*)доу — по прямой аналогии с грамотой № 725, где читается: *съка(ж)ита владычѣ мою обиду*.

Но самой интересной в этом маленьком фрагменте является словоформа *говори*. Она несомненно выступает здесь в том же значении, что и в современном языке, т. е. 'dicere'. В том же значении глагол *говорити* встретился и в нескольких других берестяных грамотах (№ 530, 131, 749, 373), но все они относятся к более позднему времени: самая ранняя из них (№ 530) датируется 1370-ми – 1380-ми гг.

Между тем древнейшие примеры глагола *говорити* обнаруживают другое значение: 'гомонить, галдеть, шуметь, роптать' — всегда о многих, о толпе. И то же со словом *говоръ*: оно означало 'шум, гомон, ропот' (издаваемый сразу многими, необязательно людьми).

Из «Повести временных лет»: *и в гора^х тѣ^х кличъ великъ и говоръ* (в рассказе о племенах Зауралья, заключенных в горе, — [Лавр., л. 85а]). Из Суздальской летописи: *и бы^с говоръ великъ акыи до нѣси ѿ множества людии ѿ радост(и) великия* [Лавр. под 1206 г., л. 142 об.]. Из Новгородской летописи: *и начаша людие говорити на воеводу Косняча...* [НПЛ (младший извод) под 1068 г., л. 89] — в значении 'роптать, шуметь'.

Сказанному по видимости противоречит, правда, например, такая запись в Уваровской летописи (рукопись XV в.) за 1149 год: *Нѣкоторые же мужи его, злии челоѡци, начаша емоу (князю Изяславу) вадити на Ростислава Юрьевича, глаголюще: «Подговорилъ люди на тя, берендичи и кыяны; а хотѣлъ сѣсти въ Киевѣ»* [Увар., л. 54 об.]. *Подговорилъ* здесь выступает в современном значении: человек (а не толпа) говорил и подговорил кого-то против определенного лица. Но все разъясняется, как только мы прочтем этот же пассаж в Лаврентьевской летописи где сказано: *«Ростиславъ Гюргевичъ подмолвилъ на тя люди...»*. Ясно, что Лаврентьевская летопись сохранила старое чтение, тогда как в Уваровской летописи переписчик XV века вместо старого *подмолвити* поставил уже свойственное его времени *подговорити*.

В словаре Срезневского содержится множество примеров со словами *говорити* и *говоръ* (без приставок и с приставками) в современном значении. Но ни один из них не старше конца XIV века.

Древнее значение глагола *говорить* отчасти сохранилось в северных говорах. В [СРНГ, 6: 256] находим: *говорѣть*, знач. 3. О птицах — петь, щебетать, каркать и т. п. «Если прилетные птицы весной не говорят, то будет еще холод, засиверка». Пинеж. (Арханг.). Также в онежских былинах в записях Гильфердинга: «Прилетали тут русские птицы, учили тут пети-говорити, как млад соловей щекотати».

Эволюция значения у слова *говорить* — от 'шуметь, гомонить' (о толпе) к 'dicere' — совершенно типовая. Глагол со значением 'dicere' может происходить из разных семантических источников, но этот — один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них — *мълвити*. В старославянском *мльва* — 'ропот толпы, мятеж'. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для 'dicere'. Остальные примеры диалектные, но их много. В русских говорах глаголы *гомонѣть*, *галдѣть*, *гамѣть*, *шумѣть/шумнѣть* по данным СРНГ имеют среди прочего нейтральное значение: просто 'говорить что-то кому-нибудь'. Особенно яркий новейший пример — из речевой практики интернет-сообщества: *базарить* — от *базар*, для которого характерен именно хаотичный шум толпы. Но в словаре сленга мы уже видим слово *базарить* просто в значении 'говорить', без дополнительных уточнений.

Итак, крошечный обрывок бересты оказался ценным подарком для историков языка — это самый ранний в истории русского языка документ, где *говорити* означает 'говорить'.

У этой проблематики есть еще один небезынтесный аспект. И слово *говорити*, и слово *говоръ* встречается в «Слове о полку Игореве». Совершенно невероятно, чтобы литератор XVIII века знал о хронологической границе между старым и новым значением слова *говорити*, которая пролегла примерно между XIII и XIV веком. Так что если это он сочинял «Слово», то он легко мог «попасться» на этом самом обычном слове современного русского языка. Однако же автор «Слова» не «попался» — он безупречным образом использовал оба эти слова в древнем значении, а не в новом. В «Слове» *говоряхуть* не люди, а галки (*галици*) и *говоръ* был не людской, а галочий (*галичь*). В обоих случаях изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) — в точном соответствии с древним значением. (Заметим, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл — «Галки своей речью гомонили».)

Это еще один из многих случаев, когда сверх уже известных признаков некоторый частный признак текста «Слова», не привлекавший ранее к себе внимания, оказывается проявлением древности.

№ 970. Борисоглебский раскоп. Запись в двух строках, составляющая, по-видимому, конец грамоты.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

ПОДО ТВОЮ МИЛО
С

Завершающие письмо слова «Под твою милость», очевидно, означают, что некое дело должно быть решено по усмотрению адресата. Скорее всего, грамота содержала какую-то просьбу.

Слово *милость* недописано (либо перед нами сокращение несколько необычного типа).

№ 973. Борисоглебский раскоп. Одна строка (9 букв), составляющая, по-видимому, целый документ.

Предварительная стратиграфическая оценка: XIII век.

ГЕОНЕГОНЕ

Эту производящую загадочное впечатление запись, очевидно, следует читать [геон'огон'] и понимать как сочетание [геон' огон'] 'гееннский огонь', записанное так, как если бы это было единое слово.

В самом деле, слоги типа [н'о] в эту эпоху уже несомненно существовали и передавались на письме за неимением особой буквы для [о] просто с помощью буквы *е* (но изредка также через *о*, с потерей информации о мягкости). Так, в берестяных грамотах пишется: *Петръ*, *Смень*, *Федоръ* (изредка *Потръ*, *Смонъ*, *Фодоръ*), *Лентии*, *Демидъ*, равно как *меду* (многократно), *ко Цертоу 4*, *свекре 580*, *сотесывае* Твер. 5.

Геона — обычное древнерусское название геенны (с таким же переходом *е* в *о* в начале слога, как *Ольга*, *Олена* и т. п.). Часто встречается устойчивое сочетание *геоньскъ огнь* (или с обратным порядком слов). Притяжательное прилагательное *геонь* прямо не засвидетельствовано, но в пользу его реальности говорит то, что существует притяжательное прилагательное *адовъ* от близкого по значению слова *адъ* (и ад, и геенна в старых текстах часто персонифицируются).

Какова могла быть функция грамоты *геонегоне*? Об этом можно только строить предположения. Но это явно не простой текст, а запись магического характера, род малого «заговора», заклятия. Скорее всего это заклятие во вред некоему врагу. Нестандартный способ написания (в данном случае «сращенная» запись двух слов) мог быть в таких случаях одним из приемов, увеличивающим магическую силу написанного.

Заклятие такого рода встретилось среди берестяных грамот впервые.

Помимо грамот, в текущем сезоне был найден также (на Троицком раскопе, в слоях XI века, вероятно, первой половины) фрагмент двусторонней средней части деревянной церы (триптиха), с небольшими остатками воска. Но текста на нем не сохранилось.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиппиус 2004 — *А. А. Гиппиус*. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // НГБ-XI: 183–232.
- ДНД₂ — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.
- Зализняк 2008 — *А. А. Зализняк*. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- НГБ-VIII — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- НГБ-IX — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ-XI — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пск. лет. 2 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- РГБ — Российская государственная библиотека в Москве (бывш. ГБЛ).
- Седова 2003 — *М. Седова*. Быт томичей на крестьянском дворе (программа курса). Томск, 2003.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Увар. (Уваровская летопись) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.
- Фенне — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607)*. V. II. Copenhagen, 1970. (Ссылки даются на страницы оригинала.)
- Ферапонтовская кормчая — рукопись РГБ (сер. XVI в.), фонд 98, № 248.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-04-00177а) и Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Некнижная письменность средневековой Руси в общеславянском контексте: берестяные грамоты и эпиграфика»). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 08-01-18093е.